

³¹ Региональные проблемы социально-демографического развития. С. 44—45.

³² Этнокультурное развитие народностей в условиях научно-технического прогресса.

³³ Концепция социального и экономического развития народностей Севера на период до 2010 г. Новосибирск, 1989.

³⁴ Кривоногов В. П. Современные этнические процессы среди хакасов: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1984; Дашиева Н. Б. Традиционные общественные праздники у бурят: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1985; Головнев А. В. Историческая типология традиционных форм хозяйства у народов Северо-Западной Сибири (XVII — начало XX в.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1986.

³⁵ Вдовин И. С. Очерки истории и этнографии чукчей. Л., 1964; Грачева Г. Н. Ранние представления нганасан о человеке. Л., 1974; Бадмаева Р. Д. Бурятский народный костюм. М., 1978; Брагина Д. Г. Современные этнические процессы в Центральной Якутии. М., 1981, и др.

Л. Ф. Артюх, Т. В. Космина

ЭТНИЧЕСКИЕ СИМВОЛЫ В МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ УКРАИНЦЕВ

Разделение народной культуры на два пласта — материальную и духовную в этнографической, археологической, философской литературе издавна признано условным. Поэтому, исследуя культуру жизнеобеспечения как подсистему культуры в широком значении этого слова, этнографы стремятся рассматривать ее во всех аспектах — как материальные предметы, так и ту духовную деятельность человека, которая с ними связана: «весь набор своих биологических, социальных и интеллектуальных характеристик, в том числе комплекс социально унаследованных, закрепленных в механизме этнокультурной традиции идей, представлений, стандартов поведения, нормативных критериев, предпочтений и т. п.»¹.

Одним из важных аспектов социальных функций мира вещей является их знаковость, символичность. В данной статье мы остановимся на предметной сфере и отдельных аспектах человеческой деятельности, связанной с ее производством или потреблением, которые приобрели статус этнических символов. На примере украинской культуры, привлекая этнографический материал по другим славянским народам, мы попытаемся также затронуть проблему территориально-пространственных связей, соотношения суперэтнического, этнического и субэтнического в культурной традиции, общего и особенного в системе традиционных знаковых стереотипов.

Нас интересует символ (греч. *συμβολον* — знак, примета) не просто как «знак тех или иных предметов», но как структура, заключающая в себе «обобщенный принцип дальнейшого развертывания свернутого в нем смыслового содержания»². Смысловое же значение знака — это «его свойство представлять, фиксировать определенные стороны, черты, характеристики обозначаемого объекта, определяющие область приложения знака; это то, что понимает человек, воспринимающий или воспроизводящий данный знак»³. Таким образом, взяв за основу данные дефиниции и опираясь на тезис — коммуникативность является одной из главных функций традиции, присоединимся к мысли, что употребление знаков и знаковых систем дает возможность упростить процессы накопления, сохранения и передачи человеческого знания⁴.

В этнографической науке проявляется особый интерес к той информации, которая закодирована в экстраутилитарных элементах, имеющих не практический, а символический смысл⁵, т. е., говоря словами С. А. Токарева, «материальный предмет интересует этнографа не сам по себе, а в его отношении к человеку или в отношении человека к этому предмету. Но еще важнее для этнографа другое: отношения между людьми в связи с данным предметом, т. е. говоря шире, социальные отношения, опосредствованные материальными предметами»⁶.

Чтобы конкретизировать понимание механизма превращения предмета в символ, рассмотрим следующую условную иерархическую схему этого процесса: формирование этнических *предпочтений* в производстве и потреблении бытовых предметов; оформление представлений об этих предметах и восприятие их этносами-носителями и другими этносами; *стереотипизация* определенных явлений в культуре этноса; наделение знаковой *символической* сущностью элементов этнической материальной культуры.

Таким образом, мы выделяем три уровня по степени возрастания символичности предметов (предпочтения — стереотипы — символы). Естественно, предложенная нами схема не является универсальной *. Она избрана исключительно для решения поставленной в статье задачи: определить пространственно-территориальную прикрепленность материальной символики и ее историческую долговечность (продолжительность бытования) в украинской культуре, коснувшись при этом некоторых вопросов формирования этнических символов.

В общей системе традиционной материальной культуры достаточно различимы области большей и меньшей степени устойчивости и выразительности этнической специфики. Так, к примеру, в пище эта специфика проявляется более определенно, многообразно и длительно, чем в одежде и жилище ⁷. Однако при этом в каждой из областей материальной культуры есть явления, особо значимые для процессов формирования, сохранения и передачи этноспецифических характеристик предметов и для процессов превращения предмета в символ. Как одно из наиболее важных в них можно выделить *предпочтение*. Предпочтительный выбор определенных видов культурных форм, санкционированных традицией той или иной этнической общности, способствует закреплению за ними статуса этнических символов разного таксономического уровня, от субдо суперэтнического.

В области народной пищи, например, среди других явлений, сохраняющих этническую (локальную, региональную) специфику, предпочтения занимают одно из первых мест ⁸. Для украинской традиции (как и славянской и европейской) земледельческой традиции в целом) характерно предпочтение пищи из зерновых продуктов. Веками выработанное уважение к тяжелому, но престижному труду земледельца сформировало определенный идеал и в системе производимых им материальных ценностей, в данном случае — хлеб. Сложился даже стереотип восприятия хлеба как воплощения надежд на благополучное и безбедное существование. В пословицах и поговорках можно найти бесчисленное множество этому примеров: «хліб всьому голова»; «хліб та вода — та й нема голода»; «хліб та капуста — в животі не пусто»; «клади перед людьми хліб на столі — будеш у людей на чолі» (укр.); «хлеба край — так и под елью рай»; «хлеб и вода — крестьянская еда» (рус.) и т. п. Соответствия этим примерам имеются в фольклоре и других славянских народов.

Именно хлеб в украинской традиционной культуре (и не только сельской, но и городской) стал олицетворением высших нравственных устоев: уважение к труду, человеку труда. В иерархии пищевых предпочтений хлеб занял одно из ведущих мест, превратился в символ гостеприимства и благосостояния, труда и мира, и вполне закономерно колосья вошли в символику Государственного герба СССР и гербов союзных республик, в частности Советской Украины.

Имея знаковый статус общетнического символа в украинской культуре, хлеб обладает значительно более широкой, чем территория украинского этноса, пространственной прикрепленностью. Хлеб-соль как символ гостеприимства, к примеру, характерен для всех славянских и многих других народов мира. Суперэтническая сущность хлеба-символа свидетельствует как о давних общих

* В частности подавляющее большинство этнических предпочтений не стереотипизируется и не становится этническими символами, однако этнические символы рождаются только на основе выработки этнически стереотипных форм или элементов культуры. Стереотип в данном случае отличается от предпочтения тем, что его наиболее характерной чертой является эмоциональная насыщенность и тяготение к установившимся, упрочившимся нормам в национальном сознании.

генетических корнях культуры, так и об общности экологических условий, направлении хозяйственной деятельности, а также о взаимодействии и взаимовлиянии культур и пр.

Однако и при избрании тождественного предмета-символа разноэтничными культурами ему всегда придается этническое своеобразие. К примеру, хлеб-соль подается гостям на рушнике, декор и форма которого у каждого этноса имеют свои особенности: различны также традиционный или стилизованный костюм девушек, вручающих хлеб, приветственная фраза, произносимая ими, «добро пожаловать» (рус.), «ласкаво просимо» (укр.), «witamy» (польск.). Даже форма хлеба может дать информацию об этнической традиции: для восточных славян более характерен каравай, для западных — калач.

Выработанные на протяжении веков на основании предпочтений стереотипы могут стать символами не только этнического, но и другого, скажем, конфессионального характера. Известно, например, что одним из пунктов расхождения внутри христианской церкви был вопрос о выборе способа изготовления хлеба для евхаристии: православная церковь в конце концов избрала хлеб из кислого теста, католическая — из пресного⁹.

Ритуальный хлеб в украинской обрядности, на протяжении ряда столетий олицетворяющий высшие ценности земледельческой культуры народа, до наших дней продолжает оставаться этническим определителем. Каравай как неременный атрибут современной свадебной и календарной обрядности украинцев сохранил и даже упрочил свое значение этнического символа. В обрядности других славянских народов также не обходилось без аналогичного ритуального хлеба: кумови краваи (бол.)¹⁰, věnec, velký koláč, radostník, calta (чешск., словацк.)¹¹, kogołaj, kogołaj, kogołaj, kogołaj (польск.)¹², каравай, курник (рус.)¹³, каравай (белорус.)¹⁴. Однако при единстве предмета и его функциональной характеристики в обрядовой символике разных народов каждая из этнических традиций имеет свои отличительные элементы (проявляются в форме предмета или частоте его бытования, преобладании одних функций над другими и проч.).

К предметам-символам, носителям этнической характеристики, общей для большинства славянских народов, можно отнести и свадебное деревце: «гільце», «вільце», «різка» (укр.), «девья красота», «елка» (рус.), «stromek» (чешск.), «druzka», «lirka», «venec» (словацк.), «gózga», «jablonka», «wianek» (польск.), «кумового дръвце», «сватбеното знаме» (болгарск.) и т. д.¹⁵ Будучи обязательным и ярчайшим атрибутом славянской обрядности, деревце одновременно служит знаком-отличителем, в какой-то мере противопоставляющим эту традицию восточнороманской. Обрядовое дерево у восточных романцев функционирует в похоронной обрядности. Это яркий пример семантической оппозиции ряда *свой / чужой, веселый / грустный, свадебный / траурный*, где сопоставляются две традиции соседствующих, но не родственных этносов.

Система вертикального развития жилого дома в восточнославянской традиции представлена двумя реализациями: возведением наземного жилого дома и сооружения дома на подклети (северорусская традиция). Это противопоставление (*наличие / отсутствие* вертикального развития жилого дома) стало своеобразным этноопределителем, этническим стереотипом русского жилища в сознании украинцев и белорусов. И хотя ареал дома на подклети охватывает лишь северные районы этнической территории русских, представления о русском жилище как на уровне типологически-сравнительных исследований общего и особенного в жилище восточнославянских народов, так и в сознании белорусов и украинцев на традиционно-бытовом уровне, связываются с жилищем на подклети, которое выступает в данном случае как этнический маркер¹⁶.

Аналогичны противопоставления, связанные с материалом стен жилого дома. Предпочтительное использование дерева (*сруб*) в русской и белорусской традиции сформировало стереотип представлений, получивший символическое значение общеэтнического типа русского и белорусского жилища как срубного в отличие от каркасного (*хата-мазанка*) украинского.

Наиболее типичные и выразительные формы компонентов культуры жизнеобеспечения этноса или субэтноса постепенно стереотипизируются, а затем закрепляются в сознании носителей этой культуры как этнические символы. Достаточно показательными в этом плане могут быть получившие высокий этнический статус этнографически конкретные реалии живописной трактовки такого обобщающего эпического образа — символа народного героя, как Казак Мамай с его неизменными материальными атрибутами (казацкая одежда, прическа, трубка, бандура, конь со сбруей под седлом и т. п.)¹⁷. Следует отметить, что и перечисленные выше атрибуты со временем также становятся символами. Исторические перемены, влекущие за собой изменения традиционной бытовой сферы, вытесняют из живого бытования ряд элементов материальной культуры, функционирование которых предопределено различными факторами: историческими и экологическими, социально-экономическими и престижными. Исчезновение из повседневного обихода какой-либо вещи не означает вытеснения из сознания установившегося стереотипа представлений, образа, который бытует зачастую значительно дольше самого предмета.

Рассматривая закономерности формирования национальных стереотипов в области национальной психологии, армянские ученые приходят к выводу, что некоторые стереотипы формируются в результате интерпретации каких-либо исторических событий¹⁸.

Каковы же причины столь стойкого закрепления в восприятии как изнутри, т. е. самим этносом, так и извне (другими этносами) некоторых компонентов культуры, обладающих высоким знаковым статусом? Здесь мы можем предложить некоторые гипотезы, объясняющие в какой-то мере причины их закрепления в коллективной памяти в качестве этнических индикаторов.

К. В. Чистов, рассматривая вопросы этнического сознания и духовной культуры, высказал мысль об относительности границы между явлениями духовной и материальной культуры, о том, что всякое осознание элементов материальной культуры как знаковых или символических может придать им идеологический характер, т. е. превратить их в явления духовной культуры¹⁹. Действительно, благодаря устойчивости функционального назначения ритуальный хлеб в украинской обрядности становится тем необходимейшим атрибутом, без которого невозможен полноценный обряд. Значение каравай в украинской свадьбе было настолько большим, что молодоженов, у которых по бедности ли, по сиротству или по какой-либо другой причине отсутствовал каравай, награждали затем прозвищем (фамилией) — «Безкорвайный». Со временем некоторые магические функции каравай утрачиваются, но в то же время усиливаются его эстетическая нагрузка, престижность. Хлеб (каравай) как высший нравственный ориентир не занял бы столь прочное место в обряде, если бы он оставался исключительно утилитарным предметом. Более того, со временем отношение к караваю (как и к другим аналогичным предметам-символам) становится в какой-то мере косвенным проявлением этнического самосознания.

Можно также предположить, что в определенные периоды истории развития этнической культуры происходили события, на которые позднее была ориентирована историческая память потомков. Для Украины это период Запорожского казачества и освободительных войн XVII в., завершившихся воссоединением с Россией. Именно тогда в системе ценностей закрепился этнический и эстетический стереотип, реализованный в представлении о казаке-запорожце («Козак Мамай») и закрепленный в фольклоре, литературе и изобразительном искусстве. В определенный исторический период этот стереотип существовал как явление, синхронное самой реалии. Затем образ казака из сферы реального бытования перешел в сферу представлений, закрепившись в народной памяти. Стереотип восприятия традиционного украинского костюма очень показателен в разработках одежды современных художников-костюмеров. Весьма симптоматично, что у большинства современных профессиональных ансамблей народного танца и народных хоров мужские костюмы чаще всего если не полностью,

то в деталях повторяют отнюдь не крестьянскую одежду, а наряд запорожского казака из народных картин «Козак Мамай, душа правдива...». До последнего времени почти все самодеятельные фольклорные ансамбли и театры одевали своих актеров в усредненные, т. е. несколько стилизованные, казацкие костюмы. В изделиях сувенирной промышленности и художественных промыслов образ казака также постоянен в различных воплощениях.

Несмотря на то что период Запорожской Сечи в украинской истории был суровым временем, а казаки — далеко не ангелами, а воинами, ведшими тяжелые кровопролитные войны, народная память сохранила оценку этих войн как освободительных, и запорожцы в сознании народа становятся воплощением свободы, символом борьбы за высшие нравственные идеалы, национальную независимость.

Аналогичные примеры закрепления в памяти народа наиболее ярких исторических пластов и отражения их в культуре более поздних периодов имеют место в традициях других славянских народов. Для русских, например, — это период Древней Руси, память о котором в определенной степени воплотилась в былинах Киевского цикла. Для поляков — XVIII в., когда народная культура начала выполнять функции этнической идентификации²⁰.

В настоящее время с расширением сети массовой коммуникации усиливается возможность обмена культурной, в том числе этнокультурной информацией, не только на личностном, но и на общественном уровне. Естественное желание представителя каждого народа при межэтнических контактах продемонстрировать лучшие образцы своей национальной культуры находит выход в широком использовании предметов, которые таким образом приобретают этническую символическую направленность (на Украине это, к примеру, — рушник, хлеб, стилизованные формы одежды, монументализированные предметы традиционного декорирования предметно-вещной среды, традиционные национальные блюда и т. п.).

Этнически-символическая направленность в использовании элементов традиционной материальной культуры обнаруживается в утрате большинством из них чисто утилитарных функций и соответственном увеличении обрядовых, вплоть до приобретения статуса этнической марки. К примеру, такой предмет, как полотенце («рушник») в настоящее время значительно расширил сферу своего ритуального назначения, превратился в необходимый атрибут при оформлении не только семейных, но также общественных праздников и обрядов восточнославянских народов. Одновременно он стал темой многих литературно-поэтических, декоративно-пластических, сценографических и монументально-архитектурных реализаций, выступая как этнический символ украинцев, русских и белорусов. Таким образом, предмет (утилитарно-бытовой, либо обрядово-бытовой в прошлом), включенный в ткань современного художественного произведения и подчеркивающий принадлежность к культуре какого-либо народа (группы родственных народов), начинает выполнять функцию этнического знака. Разнообразной этнической знаковой выразительностью характеризуются современные сценические костюмы и коллекционные образцы выставочных моделей одежды, выполняемые современными художниками-модельерами на основе творческого развития и варьирования традиционно-бытовых элементов и комплексов народной одежды (крой, силуэт, комплектование составных частей, колористика, орнаментальность, украшения и т. п.). Исторические формы традиционно-бытовых типов и элементов жилища украинцев (беленые хаты-мазанки, орнаментированные стены жилища и хозяйственных построек, силуэт и формы крыши и т. п.) также воспринимаются как символ и интерпретируются и воспроизводятся в литературных и изобразительных сферах современного художественного творчества украинских писателей, художников, сценографов. И не случайно в известной песне поэт поставил в одном

ряду понятия — Родина, мать и родной белый дом:

«Можеш вибирати друзив і дружину,
Вибрати не можеш тільки Батьківщину.
Можна вибрати друга і по духу брата,
Та не можна рідну матір вибирати.
За тобою завше будуть мандрувати
Очі материнські і білява хата»²¹.

В формировании современной этнической символики украинцев заметная роль принадлежит также многим предметам традиционно-бытовой утвари: изделиям из керамики, стекла, дерева. Многие из этих изделий, сохраняя и поныне свое утилитарно-практическое значение (в них приготавливают пищу, хранят продукты питания и другие предметы домашнего обихода), приобрели статус этнических символов. В качестве таковых они выступают в сувенирной продукции, активизируя знания о локальной, региональной и общенациональной специфике форм, колорите, цветоорнаментальных приемах декорирования. Наиболее интенсивно их знаковая сущность обнаруживается при использовании аналогов этих предметов в монументальных формах декорирования общественных и жилых зданий. Благодаря использованию предметов народного декоративно-прикладного искусства и традиционных цветоколористических сочетаний и принципов декорирования современные сооружения, зачастую грешащие однообразием и внерегиональностью форм, «заявляют» о своей принадлежности к украинской культуре. Аранжируя локальные либо зональные варианты традиционно стереотипизированных форм художественного опыта украинского народа, творческая практика архитекторов и художников-монументалистов придает архитектуре современных зданий национальный колорит, обогащая тем самым и социалистическую многонациональную культуру. В систему средств архитектурной выразительности как жилых, так и общественных зданий Украинской ССР органично вошли многие традиционные приемы отделки росписью, бытовой и архитектурной керамикой, мозаикой, плоскостной и рельефной резьбой, декоративными тканями и ковровыми изделиями²².

Внутри каждой этнической традиции доньше продолжают бытовать субэтнические варианты с довольно устойчивыми зональными признаками. При диахронном сопоставлении традиционных зональных вариантов некоторых элементов народной материальной и духовной культуры Украины была обнаружена тенденция к их территориальной преемственности, территориально-пространственной прикреплённости²³. Заметим также, что в субэтнической среде восприятие предметов материальной культуры как этнических определителей, а также знание и умение отличить зональные формы от общезнаковых и иноэтнических говорит о достаточно высокой степени этнической осознанности материальной культуры самими носителями. Историческая память в материально-вещной сфере на субэтническом уровне оказалась значительно сильнее и устойчивее, чем на уровне общезнакового.

На этническом уровне отмечается тенденция к перенесению на элементы субкультуры знаковых функций этноопределятеля. Например, субэтнический зональный (карпатский, в частности, гуцульский) традиционно-бытовой культурный комплекс (обрядовая пища, одежда, народные танцы, песенно-фольклорные формы и т. п.) в настоящее время все более приобретает статус общезнакового (общеевропейского) маркера в первую очередь извне — у представителей неславянских народов. В то же время внутриэтнические консолидационные процессы, постоянный обмен этнолокальной культурной информацией в рамках республиканских фестивальных программ, активное представление многообразных субэтнических, в том числе этнически-групповых (в данном примере гуцульских), видов народного творчества на всесоюзных и международных конкурсах и концертах постепенно формируют характер осознанности локальных (зональных, этнически-групповых и т. п.) форм как общезнаковых не только извне, но и изнутри, т. е. локальные субэтнические культурные

формы начинают осознаваться в общеэтническом контексте как разновидности традиционных форм украинской культуры в целом. Аналогично традиционно-бытовые комплексы материальной культуры буковинцев, подолян и других субэтнических общностей украинского народа воспринимаются гуцулами как варианты общеукраинской культуры.

Активное бытование в наше время ярких, самобытных традиционно-бытовых элементов и комплексов культуры Украинских Карпат (праздничный костюм, обрядовые атрибуты, изделия местных художественных промыслов и пр.) способствует росту их престижности. При этом как в восприятии представителей другой культуры, так и у украинцев, формируется ориентация именно на такой стереотип традиционно-бытовой вещной сферы в целом. И можно, по-видимому, ожидать, что в будущем многие из этих субэтнических элементов культуры могут превратиться в общеэтнические символы, что именно на них будут перенесены функции общеэтнических определителей.

Что касается активного восприятия выразительных, в том числе престижных элементов «чужой» культуры, то это столь же естественный процесс²⁴, как и процесс их последующей стереотипизации. Возникновение у предмета, имеющего весьма узкую территорию бытования, статуса символа вначале на уровне суперэтническом, а затем уже внедрение его как символа на территории этноса-носителя — явление отнюдь не исключительное. Имеются аналогии и в более широких категориях, связанных со стереотипизацией явлений. Как свидетельствуют исследования по этнопсихологии Г. В. Старовойтовой, наряду с другими факторами «на автостереотип влияет отраженная, опосредованная национальным сознанием характеристика своего народа другими народами»²⁵.

Аналогичная тенденция обнаруживается и в приобретении статуса общеэтнической марки за таким субэтническим в прошлом признаком сельского жилого дома украинцев, как полихромность (*мальовничість*) его внешней отделки. Как известно, украшение настенной росписью наружных стен дома имело на Украине в конце XIX — начале XX в. относительно локальный характер. Оно было характерно для Подолии и Юга Украины, а в районе Карпат свойственно только такой этнографической группе украинских горцев, как лемки²⁶.

Развитая система сигнальных, оберегающих, благопожелательных функций настенной живописи (сельского жилого дома, хозяйственных построек, ограды, ворот и т. п.), ее приуроченность к определенным праздникам календарного и семейно-бытового цикла начиная с конца XIX в. значительно нейтрализовалась, уступив место эстетической функции. При этом система полихромного декорирования приобретает назначение сигнала-этноопределителя украинского типа жилища, отличающего его от жилища других восточнославянских народов. Что же касается общеславянского контекста, то настенная живопись, имея исторические корни и современное бытование и у западных (поляки, словаки) и у южных (болгары) славян, выступает в роли суперэтнического символа общеславянской культуры по отношению к традиции балтских, германских и других европейских народов²⁷.

Стереотипы представлений о колористически-цветовом оформлении жилого дома, цветосочетании составляющих элементов народного костюма и их отделки, орнаментально-колористическом украшении предметов интерьера и домашней утвари сформировали вариативное своеобразие зональных, этногрупповых либо узколокальных комплексов традиционной материальной культуры украинцев XIX в.

Эти стереотипы художественно-декоративного опыта (в прошлом разного таксономического уровня) продолжают оказывать заметное влияние на выбор населением различных историко-этнографических районов УССР предпочтительных видов художественного творчества (вышивка, ткачество, лозоплетение, резьба по дереву, роспись и т. п.). Система приемов декоративной отделки современных реалий материальной культуры в значительной мере опреде-

ляется бытующими в каждом из районов УССР художественными ремеслами и промыслами.

Локальные формы декора наряду с творческим развитием исторически сложившихся типов планировки жилого дома и застройки усадьбы, традиционных для данной территории, сообщают современным сельским жилым комплексам Украинской ССР достаточно яркую зональную выразительность. Сами украинцы оценивают каждый из зональных комплексов как территориально конкретный вариант украинской сельской архитектуры (карпатский, закарпатский, полесский, полтавский и т. д.). Таким образом, в сознании носителей культуры сохраняется восприятие данного локального варианта как части украинской культуры, ее субэтнического выразителя. Извне же каждый из зональных комплексов в отдельности и все вместе воспринимаются и оцениваются как общезнационный, общенациональный («украинский») тип сельского жилого комплекса.

Творческая практика профессиональных мастеров, исходя из зональной выразительности бытовых форм материальной народной культуры, придает произведениям тот или иной характер национального символического звучания. Степень информированности о культурно-исторических традициях украинского народа определяет в свою очередь конкретность осознания этнической символики как самими носителями, так и извне.

В заключение следует сказать, что этническая символика как феномен традиционно-бытовой культуры может способствовать передаче лучшего, прогрессивного народного опыта, его осознанию и закреплению в современной системе духовных ценностей.

Примечания

¹ Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры). Ереван, 1983. С. 37.

² Философская энциклопедия. Т. V. М., 1970. С. 10.

³ Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 191.

⁴ Философский словарь. Київ, 1973. С. 162.

⁵ Байбурин А. К. Некоторые вопросы изучения объективированных форм культуры // Памятники культуры народов Европы и Европейской части СССР. Сборник МАЭ. Т. XXXVIII. Л., 1982. С. 9.

⁶ Токарев С. А. К методике этнографического изучения материальной культуры. // Сов. этнография. 1970. № 4. С. 5.

См.: Станюкович Т. В. при участии Шмелевой М. Н. Пища // Современные этнические процессы в СССР. М., 1977. С. 239; Арутюнов С. А. Введение // Этнография питания народов стран Зарубежной Азии. М., 1981. С. 4—5 и др.

⁸ Артюх Л. Ф. Народные традиции и современное питание // Современные этносоциальные процессы на селе. М., 1986. С. 186.

⁹ См. подробнее: Артюх Л. Ф. Українська народна кулінарія. Історико-етнографічне дослідження. Київ, 1977. С. 48.

¹⁰ Иванова Р. Българската фолклорна сватба. София, 1984. С. 180—184.

¹¹ Komorovsky J. Tradicná svadba u slovanov. Bratislava, 1976. S. 202.

¹² Kubiak J., Kubiak K. Chleb w tradycji ludowej. Warszawa, 1981. S. 71, 85, 89; Ambrozewicz T. Ozdobne pieczywo ludowe w zbiorach państwowego muzeum etnograficznego w Warszawie. Warszawa, 1976; Kwasniewicz K. Zwyczaje i obrządy rodzinne // Etnografia Polski. Przemiany kultury ludowej. T. 34. Cz. 2. 1981. S. 95.

¹³ Чижикова Л. Н. Свадебные обряды русского населения Украины // Русский народный свадебный обряд. Исследования и материалы. Л., 1978. С. 166—167, 175—176; Гвоздилова Л. С. К типологии русского свадебного хлеба // Материальная культура и мифология. Л., 1981. С. 204—214.

¹⁴ Пашкова Т. Г. Етнокультурні зв'язки українців та білорусів Полісся (на матеріалах весільної обрядовості). Київ, 1978; Никольский Н. М. Происхождение и история белорусской свадебной обрядности. Минск, 1956.

¹⁵ Артюх Л. Ф. Народне харчування українців та росіян нівнічно-східних районів України. Київ, 1982. С. 56—64; Бернштам Т. А. Обряд «расставание с красотой» (к семантике некоторых элементов материальной культуры в восточнославянском свадебном обряде) // Памятники культуры народов Европы и европейской части СССР. Л., 1982. С. 43—66; Komorovsky J. Op. cit. S. 242—244; Иванова Р. Указ. раб. С. 184—197.

¹⁶ Бломквист Е. Э., Ганцкая О. А. Основные комплексы русского крестьянского жилища //

Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1967. С. 152—166; *Зеленин Д. К.* Об исторической общности культуры русского и украинского народов // Сов. этнография. 1940. № 3. С. 21—32; *Токарев С. А.* О культурной общности восточнославянских народов // Сов. этнография. 1954. № 2. С. 21—31; *Космина Т. В.* Сільське житло Поділля. Кінець XIX—XX ст. Історико-етнографічне дослідження. Київ, 1980. С. 19.

¹⁷ *Эварницкий Д.* Запорожье в остатках старины и преданиях народных. СПб., 1881. С. 75.

¹⁸ *Огарджанян Р. С.* Некоторые черты национальной психологии // Население Еревана. Этно-социологические исследования. Ереван. 1986. С. 204.

¹⁹ *Чистов К. В.* Народные традиции и фольклор. Очерки теории. Л., 1986. С. 21—22.

²⁰ *Burszta J.* Die Bedeutung der Volkskultur in der polnischen Gesellschaft einst und jetzt // Ethnologia slavica. 1978—1979. F. X—XI. Bratislava, 1980. S. 43—54.

²¹ *Симоненко В.* Лебеди материнства // Поезія. Київ. 1966. С. 53.

²² См. подробнее: *Космина Т. В.* Традиції та інновації в архітектурі народного житла Києва та Київщини // Етнографія Києва і Київщини. Традиції й сучасність. Київ, 1986. С. 157—201; *Космина Т. В.* Этнические символы в современном жилище СССР // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1984—1985 годов. Тезисы докладов. Йошкар-Ола, 1986. С. 178—179.

²³ *Gavriljuk N. K., Kosmina T. V.* Ethno-Regional Changes in the Ukraine // Problems of the European Ethnography and Folklor. Moscow, 1982. S. 120—123; *Космина Т. В.* Динамика зональной вариативности сельского жилища Украины (по материалам историко-этнографического картографирования) // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Тезисы. Уфа, 1985. С. 89—90; *Артюх Л. Ф., Космина Т. В.* Опыт сравнительного ареального исследования отдельных видов материальной культуры украинцев конца XIX — начала XX в. // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Язык и этнос. Л., 1983. С. 173—180.

²⁴ *Кон И. С.* Психология предрассудка // Новый мир. 1966. № 9. С. 189—190.

²⁵ *Старовойтова Г. В.* К исследованию этнопсихологии городских жителей // Сов. этнография. 1976. № 3. С. 55.

²⁶ *Шероцкий К.* Художественное убранство украинского дома в прошлом и настоящем // Очерки по истории декоративного искусства Украины. Киев, 1914; *Бломквист Е. Э.* Роспись украинского жилища // Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956. С. 388—400; *Уманцев Ф. С.* Народні розписи // Історія українського мистецтва. Київ, 1970. С. 297—310; *Бутник-Сіверський Б.* Українське народне мистецтво. Київ, 1966. С. 200—215; *Космина Т. В.* Сільське житло Поділля. С. 159—170; *Федоренко-Коляда В. Ф.* Стінні розписи у Миколаївському та Херсонському районах // Архітектура Радянської України. 1938. № 4—5. С. 52—56; *Бабенко В. А.* Етнографическое описание Екатеринославской губернии // Вести. Екатеринославского земства. 1905. № 25—31. С. 636—637; *Берченко Е.* Про настінні розписи українських хат на Катеринославщині // Науковий збірник Харківської науково-дослідчої кафедри історії української культури. Харков, 1927. Вип. 1. Ч. 7. С. 71—92; *Добрянська І. О.* Хатні розписи українців Західних Карпат // Матеріали з етнографії та художнього промислу. Київ, 1954. Вип. 1. С. 46—55.

²⁷ *Ганцкая О. А.* Народное искусство Польши. М., 1970. С. 155—158; *Grabowski J.* Sztuka ludowa. Forma i regiony w Polsce. Warszawa, 1967; *Tłoczek I.* Chałupy polskie. Warszawa, 1958; *Pokropek M.* Budownictwo ludowe w Polsce. Warszawa, 1976; *Tłoczek I.* Polskie budownictwo, drewniane. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1980; *Czajkowski J.* Wiejskie budownictwo mieszkalne w Boskidzie Niskim i na przyległym Pogórzu. Rzeszów, 1969; *Langer J.* Atlas l'udovych staveb. Martin, 1955; *Bednárík R.* Mal'ované ohnístia v oblasti Malých Karpát. Martin, 1956; *Mjartan J.* Staviteľ'stvo // Slovensko. L'ud. Č. 2, 1975. С. 897—947; *З. Димитров, Б. Шаров.* Стенописни орнаменти от юго-западна България. София, 1964; *Колев Б.* Живописната украса на Българската къща през Възраждането. Проблеми на българското архитектурно наследство. София, 1955; *Станков Д.* Парапетната украса в Костендилския край. Експедиция в Западна България. София, 1961; *Георгиева Б., Иванчев И., Пенев Л.* Народната къща. София, 1980.

А. Б. Островский

СЕМАНТИКА МЕДВЕЖЬИХ ОНГОНОВ

Среди амулетов народов Амура и Сахалина: нивхов, нанайцев, ульчей, негидальцев, ороков — значительное место занимают предметы с изображением медведя. Это либо скульптурное изображение медведя, либо изображение человеческой фигурки с медвежьей головой, либо — фигурки, обернутой в кусочек медвежьей шкуры и др. Широкое использование изображения медведя в целях лечебной магии коррелирует с тем центральным положением, которое занимал в традиционной духовной культуре указанных народов культ медведя.